

DOI: 10.31857/S0130386424060017

© 2024 г. Л.С. БЕЛОУСОВ

РЕЖИМ МУССОЛИНИ: КОНЦЕПЦИЯ КОНСЕНСУСА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Белouсов Лев Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, академик РАО, и.о. декана исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ (Москва, Россия).

E-mail: lbelousov@olympicuniversity.ru:

Scopus Author ID: 57198303575; *Researcher ID:* Y-8445-2018; *ORCID:* 0000-0002-0567-3912

Аннотация. Проблема общественного консенсуса в годы режима Муссолини была и остается одной из ключевых в исследованиях итальянского фашизма. Статья посвящена анализу зарубежной историографии этой проблемы: от первых работ, появившихся еще в годы диктатуры, до острой полемики в историографии, связанной с выходом в 1960–1980-е годы многотомной истории фашистского режима Р. Де Феличе, поставившего проблему консенсуса в центр своего исследования. Наряду с признанием достоинств книг Де Феличе, подвергнуты критике его методологические принципы, методы исследования и концепция в целом, декларирующая, что фашизм представлял собой политическую стратегию с дальним прицелом — «муссолинизм» как специфическую форму «левого тоталитаризма». Консенсус в трактовке Де Феличе поначалу представлял блок новых политических сил и старых элитарных структур, но к середине 1930-х годов обрел массовый характер, что фактически исключало необходимость применения насилия и придавало специфику режиму Муссолини — «незаконченный тоталитаризм». Его крушение, по Де Феличе, стало результатом просчетов военно-политического руководства в сочетании с объективными факторами слабости Италии, но не следствием раскола общества. Историографическую картину проблемы консенсуса формируют работы историков-марксистов и левых демократов, оппонирующие Де Феличе, либералов и апологетов режима. В 1990-е годы дискуссия продолжалась, охватив сферу локальной и социальной истории.

Ключевые слова: Италия, итальянский фашизм, политический режим, Б. Муссолини, консенсус, историография, тоталитарные режимы.

L.S. Belousov

Mussolini's Regime: The Concept of Consensus in Contemporary Historiography

Lev Belousov, Acting Dean of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: lbelousov@olympicuniversity.ru

Scopus Author ID: 57198303575; *Researcher ID:* Y-8445-2018; *ORCID:* 0000-0002-0567-3912

Abstract. One of the pivotal issues in the study of Italian fascism pertains to the question of public consensus under Mussolini's regime. In the article, the author presents a comprehensive examination of the international historiographic discourse pertaining to this issue, tracing its evolution

from the initial works published during the dictatorship to the impassioned debates that arose with the publication of Renzo De Felice's multi-volume history of the Fascist regime in the 1960–1980s. At the core of De Felice's research was the examination of the phenomenon of consensus within Italian society between 1920 and 1945. This paper acknowledges the value of De Felice's contributions but challenges the methodological principles, research methods, and the conceptualisation of fascism as a long-term political strategy, particularly the notion of "Mussolinism" as a distinct form of "left-wing totalitarianism". De Felice's interpretation initially posited a consensus comprising new political forces and established elite structures. However, by the mid-1930s, this consensus had acquired a mass character, effectively eliminating the necessity for recourse to violence and endowing Mussolini's regime with a distinctive quality: "incomplete totalitarianism". De Felice's analysis suggests that the collapse of the Fascist regime in Italy was primarily the result of a combination of miscalculations by the military and political leadership, coupled with inherent weaknesses in the system itself, rather than being driven by the erosion of mass consent. The historiographical debate surrounding the issue of consensus has been shaped by the works of Marxist historians and left-wing democrats who have opposed De Felice's views. Additionally, the perspectives of liberals and regime apologists have contributed to this ongoing discussion. The 1990s saw the debate continue to evolve, encompassing both local and social historical analysis.

Keywords: Italy, Italian fascism, political regime, Benito Mussolini, consensus, historiography totalitarian regimes.

Система взаимодействия общества с властью во всем многообразии не утрачивает своей научной актуальности для любого периода отечественной и всеобщей истории, но особую значимость приобретает применительно к XX в. в связи с появлением нового типа режима – тоталитарного. Консенсус – лишь одна из составляющих новой системы, но чрезвычайно важная. Без этой опоры не существовал и не мог существовать ни один режим, основанный преимущественно на насилии. Неудивительно, что проблема согласия общества при тоталитарных режимах стала предметом научного осмысления еще в годы их существования, но споры вокруг этого исторического феномена не утихают в профессиональном сообществе до сих пор¹.

В советские времена историки не очень тяготели к изучению проблем итальянского фашизма в целом и режима Муссолини в частности. Это и понятно: политическая цензура не позволила бы выйти в свет книге, в которой содержался бы даже отдаленный намек на сходство типов политической власти в фашистской Италии и Советском Союзе сталинской поры. Проблема консенсуса не появлялась в работах наших авторов, поскольку тезис о «согласии» общества с режимом Муссолини явно противоречил господствовавшей в отечественной науке со времен Коминтерна концепции классовой сущности фашизма. Это вовсе не означает, что советские авторы не видели здесь серьезную научную проблему. Они просто обходили ее красноречивым молчанием или формулировали свою мысль так, что оставляли возможность читателю додумывать остальное. К примеру, смелое для 1970-х годов по сути, но осторожное по формулировке высказывание Б.Р. Лопухова о характере фашизма ничуть не утратило своей научной значимости и сегодня: «Многое, пожалуй, трудно будет понять в фашизме, если искать во всем направляющую руку или крупной монополистической, или крупной аграрной буржуазии. Скорее, наверное, можно сказать об историческом синтезе и логике, обусловленной подлинными и мнимыми интересами, чувствами и действиями разных групп населения»², которые в конечном счете способствовали превращению фашистского движения в тоталитарный режим.

Б.Р. Лопухов рассматривал режим Муссолини в свете эволюции форм буржуазной власти в XX в., т.е. как исторический феномен, который «был в большей мере детерминирован логикой исторического развития, в том числе и социально-экономической реальностью, чем

¹ Данная статья основана на историографическом разделе монографии автора «Режим Муссолини и массы» (М., 2000), второе издание которой готовится к выходу в 2025 г.

² Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. М., 1977. С. 11.

волей Муссолини или даже всех фашистских руководителей вместе взятых»³. В этой связи проблема «режим — массы» ставилась автором в плане расширения регулирующей социальной функции государства, которое в 1930-е годы вторгалось практически во все сферы жизни общества. Это государство создало весьма специфический, присущий лишь тоталитарным структурам алгоритм своих взаимоотношений с различными социальными слоями, механизм функционирования которого в работах Б.Р. Лопухова специально не освещался, поскольку автор не ставил перед собой такой задачи.

В этическом и психологическом аспектах эта лакуна отчасти восполняется в книгах заслуженно почитаемой у нас в стране и в Италии историка и писательницы Ц.И. Кин⁴. Прожив немало лет в удушающей атмосфере фашистской Италии, Ц.И. Кин, как тонкий наблюдатель и исследователь, уловила особый настрой значительной части итальянского общества. Он был охарактеризован ею как конформизм, основанный на моральном неприятии господствовавшей идеи и политической практики, далекий как от фашистского фанатизма, так и от непримиримого антифашизма. Монография Г.С. Филатова «Крах итальянского фашизма»⁵ остается единственным в отечественной историографии комплексным исследованием различных аспектов созревания кризиса фашистского режима во второй половине 1930-х годов. Наряду с социально-экономической и военно-политической составляющими кризиса, автор прослеживает также процесс распространения в обществе антифашистских идей, преимущественно среди молодежи, а также деятельность антифашистских партий по формированию организованной молодежной антифашистской оппозиции. Во второй половине 1930-х годов сопротивление фашизму в Италии не выливалось в массовые действия. «Скорее это было, — по мнению Г.С. Филатова, — капиллярное распространение антифашистских идей, которые постепенно все глубже проникали в массовую базу фашизма, подтачивали и размывали ее изнутри»⁶. Этот процесс протекал неравномерно, испытывал паузы и отступления, однако он «продолжал нарастать под влиянием внешних и внутренних мероприятий фашизма, направленных на подготовку империалистической войны»⁷. В этой связи любопытно отметить, что Г.С. Филатов априори исходит из того, что выросшее при режиме Муссолини новое поколение итальянцев было фашизировано, хотя нигде не пишет об этом прямо. И это тоже, на наш взгляд, пример глубокого понимания и «красноречивого» умолчания.

Тема «режим — массы» затрагивается в монографии В.И. Михайленко⁸ в связи с описанием полемики, сопровождавшей в Италии появление на свет многотомной биографии дуче Р. Де Феличе. Автор подверг тщательному анализу сильные и слабые стороны концепции Де Феличе в целом, не вдаваясь подробно в дискуссию о консенсусе, что не являлось предметом его исследования.

Этим исчерпывается перечень работ, содержащих хотя бы упоминания о наличии научной проблемы, которая в момент их написания была не только не изучена в отечественной историографии, но даже должным образом не обозначена в качестве таковой⁹.

В итальянской историографии картина совершенно иная. Тему вовлечения широких масс в так называемую «фабрику согласия» можно считать традиционной для итальянской исторической науки. В 1970–1990-е годы в связи с появлением работ Р. Де Феличе именно эта проблематика оказалась в центре жарких историографических дебатов и дала мощный импульс исследованиям отношений тоталитарного режима с массами. Однако эта тема в том или ином виде присутствовала и в работах итальянских историков, занимавшихся периодом

³ Там же. С. 291.

⁴ См., например: Кин Ц.И. Итальянский ребус. М., 1991.

⁵ Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. М., 1973.

⁶ Филатов Г.С. Фашистский корпоративизм и империализм. Крах фашистского режима в Италии. Гл. 3 // История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 115.

⁷ Филатов Г.С. Усиление империалистических тенденций фашистской Италии. Гл. 2 // История Италии: в 3-х т. Т. 3. М., 1971. С. 138.

⁸ Михайленко В.И. Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. Свердловск, 1987.

⁹ Впервые проблеме консенсуса была посвящена монография автора «Режим Муссолини и массы».

«черного 20-летия» сразу после Второй мировой войны. Они не могли обойти ее стороной, но не ставили в центр своего исследования. Это обусловлено, во-первых, тем, что количество доступных архивных и иных источников было еще явно недостаточным; во-вторых, тем, что сама постановка «проблемы консенсуса» неизбежно выводила дискуссию на более высокий уровень обобщения — о некоей «коллективной ответственности» итальянского народа за консолидацию и длительное господство фашистского режима.

Споры на этот счет еще далеки от завершения¹⁰. Термины, в которых ведется полемика, нередко расплывчаты, импрессионистичны, необходимых общепризнанных дефиниций до сих пор не существует, и каждый из авторов по-своему истолковывает содержание используемых им понятий¹¹. Один из историков левой ориентации Э. Францина еще в конце прошлого века справедливо утверждал, что сущность консенсуса по-прежнему «остается недостаточно изученной», хотя многие внешние формы его проявления исследованы досконально¹². Данное утверждение не утратило своей актуальности и ныне.

В этой связи уместно обозначить сначала крайние точки зрения, поскольку позиции более взвешенные, менее ангажированные в конечном счете занимают промежуточное положение и лишь весьма условно могут быть отнесены к одному из полюсов.

По мнению В.И. Михайленко, изучавшего историографию «черного 20-летия», в «интеллектуальном блоке», который обслуживал фашистский режим, «были представители практически всех известных к тому времени разновидностей буржуазного историзма»¹³, наиболее крупным из которых являлся Дж. Вольпе. Его работы многократно становились объектом справедливой научной критики. Поскольку фашизм интерпретировался Дж. Вольпе как явление закономерное, обусловленное всем ходом предшествующего исторического развития Италии, как «великая народная революция»¹⁴, постольку установленный им режим выражал концентрированную волю и мудрость итальянской нации. Политические институты режима Муссолини, по мнению Дж. Вольпе, отстаивали интересы всех социальных групп и способствовали консолидации национальной общности, режим прочно опирался на массы, в том числе на рабочий класс.

Против этого тезиса в 1930-е годы активно возражал историк и публицист Г. Сальвемини, относящийся к представителям «экономико-юридической» школы. В пылу спора он не задавался вопросом о поддержке или отторжении итальянцами тоталитарной диктатуры, но доказывал, что режим Муссолини не имел глубоких корней, носил временщический характер и не был принят обществом. Проблема консенсуса не была обозначена прямо, но мнение Сальвемини о ней известно: народ против режима.

Во второй половине 1930-х годов трудно было ожидать полноценной научной постановки вопроса о согласии. Тем удивительнее, что первая работа, которую можно считать открывающей дискуссию о консенсусе, вышла в свет уже в 1936 г. в Карловых Варах: «Между двумя мировыми войнами?»¹⁵. Ее автор, австрийский историк и социолог, известный социал-демократ О. Бауэр, заявил, что фашизм есть форма политической власти, стоящая над буржуазией и пролетариатом и осуществляющая «капиталистическо-милитаристскую диктатуру», подлинная новизна которой, по сравнению с бонапартизмом и прочими видами диктаторских режимов XIX в., состоит именно в попытке формирования консенсуса широких народных масс, необходимого для сохранения и упрочения власти. Эта констатация еще не могла быть веско аргументирована, но для середины 1930-х годов она была поразительно прозорлива.

¹⁰ О продолжении дискуссии в 2000–2024 гг. см. следующий номер журнала.

¹¹ Подробнее см.: *Palla M.* Sul regime fascista italiano. Precisazioni terminologiche e interpretative // *Italia contemporanea*. 1987. № 169. P. 17–35.

¹² *Franzina E.* Proteste sociali nel Veneto fra le due guerre // *Geografia e forme del dissenso sociale in Italia durante il fascismo (1928–1934)*. Cosenza, 1990. P. 301.

¹³ *Михайленко В.И.* Указ. соч. С. 39.

¹⁴ *Volpe G.* Storia del movimento fascista. Milano, 1939. P. 47. Дж. Вольпе близок по взглядам официальный историк и идеолог фашизма Ф. Эрколе: *Ercole F.* Storia del fascismo. Milano, 1939.

¹⁵ Итальянский перевод: *Bauer O.* Tra le due guerre mondiali? Torino, 1979.

После победы движения Сопротивления, когда накал страстей в обществе оставался весьма высоким и постоянно подогревался в условиях холодной войны, профессиональные историки так или иначе тяготели к тому или иному политическому полюсу. Крайние точки зрения на проблему «тоталитарный режим — массы» выглядели малоубедительными. Наследники традиции активного антифашизма, стоявшие на позициях марксистской методологии или причислявшие себя к таковым, заявляли, что фашизм затормозил социальное и культурное развитие рабочего класса, ограничил его участие в национальной жизни. Сами же рабочие остались верны своей «классовой целостности», сумели подспудно сохранить классовое сознание, которое постоянно подпитывалось эксплуатацией, выработали иммунитет против фашистской идеологии и выгонялись на массовые официальные мероприятия силой. Ни о какой поддержке антинародного режима не было и речи, что подтверждается итогами движения Сопротивления.

Эту позицию можно считать умеренной в сравнении с историографией левацкого (в том числе троцкистского) толка, утверждающей, что фашистский режим вообще не имел серьезной общественной поддержки и мог быть свергнут революционными действиями масс, которые якобы не велись из-за оппортунистической позиции итальянских коммунистов, не желавших поднять рабочий класс на восстание и «забывших военный опыт ленинизма»¹⁶. Сторонники этой концепции полагали, что классовая борьба являлась стержнем всего антифашистского движения¹⁷, но при этом они признавали существование «проблемы консенсуса» в том смысле, что режим ставил своей целью «осуществление контроля над процессом формирования согласия в обществе»¹⁸.

Диаметрально противоположная точка зрения состоит в том, что режим Муссолини якобы опирался на широкую поддержку масс, в том числе пролетарских, которые имели измененное фашистской пропагандой сознание. Поведение рабочего класса, «успокоенного» и «прикормленного» режимом, в целом вписывалось в установившийся общественный порядок, и этим якобы объясняется длительное и почти бесконфликтное господство в стране фашистской власти¹⁹.

По мере углубления исследований к пониманию, что все обстояло значительно сложнее, приходили сторонники обеих концепций. В конце 1960-х годов социолог А. Турэн попытался сформулировать некую третью, срединную точку зрения. Для изучения сознания рабочего класса он предложил ввести понятие «принцип идентичности», который в зависимости от конкретной, рожденной требованиями момента конфликтной ситуации может трансформировать сознание рабочих в классовое или, напротив, в некое иное, позволяющее обосновать концепцию социальных отношений внеклассового, сугубо функционального свойства и объяснить таким образом пассивность рабочих в течение длительного периода диктатуры²⁰. Этот подход представляется продуктивным при анализе сознания тех групп рабочего класса, которые влились в него недавно и еще не избавились от прежних, как правило, традиционалистских элементов мышления и оценки действительности. Речь идет о вчерашних крестьянах, пополнявших маргинальные слои городского общества.

Идея маргинализации промышленного рабочего класса в годы фашизма впервые была сформулирована юным социалистом Маттео Маттеотти в 1944 г. Подготовленное им исследование положения рабочих в 1920–1930-е годы²¹ было своего рода манифестом позиции левых сил. Выводы М. Маттеотти сформулированы четко и прямолинейно: в годы фашизма происходило постоянное обнищание рабочего класса, вплоть до полной его пауперизации; значительно увеличилась резервная армия труда; участились случаи производственного

¹⁶ *Del Carria R.* Proletari senza rivoluzione. Storia delle classi subalterne in Italia. Vol. 4. Roma, 1979. P. 74.

¹⁷ См., например, выступления ряда авторов на научной конференции, организованной Итальянской социалистической партией пролетарского единства во Флоренции в 1973 г.: *Antifascismo come lotta di classe*. Roma, 1974.

¹⁸ *Guerin D.* Fascismo e gran capitale. Roma, 1994. P. 24.

¹⁹ См., например: *Tamara A.* Venti anni di storia (1922–1943). Roma, 1953.

²⁰ *Touraine A.* La coscienza operaia. Milano, 1969.

²¹ *Matteotti M.* La classe lavoratrice sotto il fascismo (1922–1943) // *Annali Feltrinelli* 1972. Milano, 1973.

травматизма; сократилась и ухудшилась в качественном отношении структура потребления рабочих семей; уменьшились возможности для борьбы с неграмотностью и для приобщения рабочих к ценностям итальянской культуры. Все начинания фашистского правительства в области рабочей политики оценивались автором как демагогические, лишенные какой-либо реальной значимости, либо направленные к ухудшению положения рабочего класса. В последующих исследованиях ученых-марксистов выводы на эту тему стали значительно более осторожными и взвешенными, но ключевая идея — об относительном ухудшении положения рабочего класса в годы фашизма — оставалась прежней.

В 1950–1960-е годы историки левой ориентации, которых условно объединяют в рамках «прогрессивно-демократического» или «лево-демократического блока»²², занимались преимущественно разработкой проблем генезиса фашизма и его краха. Тем не менее в осмыслении особенностей самого тоталитарного режима ими был сделан шаг вперед: они признали, что нельзя недооценивать способность победившего фашизма к мобилизации масс и их включению в орбиту своего влияния.

Наиболее отчетливо эту мысль выразил марксист Э. Сантарелли в фундаментальной работе «История фашистского движения и режима»²³. В научный оборот было введено большое количество новых документов и фактов, которые иллюстрировали активную мобилизующую деятельность режима Муссолини. Тем самым преодолевалась типичная для антифашистов недооценка возможностей тоталитарного режима и намечались новые методические подходы, которые развивались все более активно по мере опубликования историко-философского наследия А. Грамши. Его рассуждения о проблеме гегемонии и «прогрессивном цезаризме», раздумья о мотивах влечения к фашизму мелкобуржуазных слоев и применяемых им методах идеологического воздействия на массы — все это оказало серьезное влияние на историков-марксистов, осознававших необходимость глубокого анализа механизма функционирования тоталитарного режима.

Однако действительно мощный импульс для развития исследований в этом направлении был дан в связи с публикацией в Италии «Лекций о фашизме» П. Тольятти²⁴. Оказалось, что 35 лет спустя после того, как они были прочитаны в Москве для итальянских коммунистов-подпольщиков, лекции не только не утратили своей оригинальности и свежести, но приобрели новое качество, оказывая серьезное влияние на участников разворачивавшейся научной дискуссии.

Наиболее ценным для историков было утверждение П. Тольятти, что фашистский режим в Италии имеет особый характер, не позволяющий смешивать его ни с обычной полицейской диктатурой XIX в., ни с бонапартизмом. В отличие от репрессивных режимов прошлого фашистская власть вынуждена мобилизовать массы с целью подавления любой возможности их автономного самовыражения и ради приобщения к выполнению своих программ. П. Тольятти дает блестящее определение существующей системе как «реакционного режима, опирающегося на массы». В его анализе, на наш взгляд, не хватает одного существенного элемента, для осмысления которого в 1935 г. было уже немало материала: факта признания определенного типа общественного согласия, которого удалось добиться режиму Муссолини. Но даже если этот факт не остался незамеченным П. Тольятти, вряд ли можно было в 1935 г. ожидать от одного из лидеров Коминтерна развернутой аргументации по столь «деликатной проблеме».

На формулировку П. Тольятти впоследствии опирались многие исследователи левой ориентации. Крупный историк-марксист Э. Раджиониери придал проблеме «режим — общество» историческое звучание. По его мнению, фашизм реализовал политическое единство имущих классов на основе общей программы подавления политической и культурной автономии низших классов и одновременно предложил решение сверху (в авторитарной форме) проблемы включения масс в государственную инфраструктуру, чего не сумело сделать либеральное государство после объединения Италии. Э. Раджиониери указывает и на

²² Михайленко В. И. Указ. соч. С. 97–107.

²³ Santarelli E. Storia del movimento e del regime fascista. Roma, 1967.

²⁴ Togliatti P. Lezioni sul fascismo. Roma, 1970.

потенциальные «пределы возможностей» нового режима, как внутренние (противоречия между различными компонентами блока власти), так и внешние (открытые противники фашизма), плюс недовольство населения²⁵. Фактор гражданского недовольства постоянно присутствовал в 1930-е годы. Этот факт не отрицается ни кем из авторов, но интерпретируется по-разному, причем с диаметрально противоположных позиций.

Левые авторы, условно причисляемые к «прогрессивно-демократическому блоку», усматривают в движении недовольных низов мощный потенциал протеста, интуитивно направленный против режима как главного виновника всех бед. При этом делается оговорка, что в фашистский период требовать большего от масс, лишенных традиционных форм самовыражения и самозащиты, было невозможно. Такой вывод сформулирован во многих работах, посвященных локальной истории²⁶. Их материал дает основания для определения характера стихийного протеста масс в 1930-е годы и ответа на вопрос, был ли он антифашистским. Многие локальные и некоторые общие исследования в этом направлении грешат смешением понятий «социально-экономическая нужда» и «оппозиционная деятельность», за что их справедливо упрекают оппоненты²⁷. Увлечение поиском антифашизма там, где его не было, зачастую приводит к преувеличению сознательной оппозиции режиму. В таких случаях антифашизм предстает как некий айсберг, на котором покоилось итальянское общество 1930-х годов²⁸. Цифры осужденных и сосланных, которыми оперируют авторы, документы полиции и осведомителей позволяют говорить о «массовом недовольстве» фашистским режимом²⁹. Никто из оппонентов этих авторов не отрицает полицейского характера диктатуры, но вопрос об условиях и времени, когда недовольство действительно стало массовым, до сих пор остается дискуссионным и одним из наиболее сложных.

В этой связи авторитетнейший историк левой ориентации Г. Куацца утверждает, что в течение всего периода диктатуры отношение рабочего класса к режиму Муссолини определялось не стремлением к антифашистской борьбе, а «инстинктивной защитой классовых интересов»³⁰. Недовольство рабочих концентрировалось на режиме лишь постольку, поскольку в их представлении он являлся «главным союзником хозяев»³¹. Рабочий антифашизм органически нес в себе классовые черты, а владельцы, директора и управленцы «идентифицировались с фашизмом как представители той же классовой системы»³². Г. Куацца не отрицает существования консенсуса в 1930-е годы, но полагает, что он распространялся лишь на мелкобуржуазную и студенческую молодежь, церковь и отчасти армию, тогда как в рабочем классе, помимо «сознательной и фронтальной оппозиции», обнаруживалась политическая отчужденность, отступавшая на задний план лишь в тех случаях, когда речь заходила о непосредственных условиях жизни и работы. В этом смысле, по его мнению, можно говорить о «пассивном консенсусе»³³, который следует рассматривать в сочетании с насилием, причем именно на насилие необходимо делать основной упор³⁴.

²⁵ *Ragionieri E.* La storia politica e sociale // *Storia d'Italia dall'Unità a oggi*. Vol. IV. T. III. Torino, 1976. P. 2197.

²⁶ См., например: *Bevilacqua P.* Le campagne del Mezzogiorno tra fascismo e dopoguerra. Il caso della Calabria. Torino, 1980; *Piva F., Toniolo G.* Sulla disoccupazione in Italia negli anni trenta // *Rivista di storia economica*. 1987. Vol. 4. P. 345–383; *Merlin T.* Storia di Monselice. Padova, 1988; *Cipriani A.* Il fascismo in una provincia creata dal Duce // *Farestoria*. 1996. № 27. P. 59–63.

²⁷ См., например: *De Felice R.* Mussolini il duce. Vol. 2. Torino, 1981. P. 156–253.

²⁸ *Dal Pont A., Leonetti A., Maiello P., Zocchi L.* Aula IV. Tutti i processi del Tribunale speciale fascista. Milano, 1976; *Dal Pont A., Carolini S.* L'Italia dissidente e antifascista. Vol. 1–3. Milano, 1980.

²⁹ См., например: *Casali L.* E se fosse dissenso di massa? Elementi per un'analisi della "conflittualità politica" durante il fascismo // *Italia contemporanea*. 1981. № 144. P. 101–120.

³⁰ *Quazza G.* Introduzione. Storia del fascismo e storia d'Italia // *Fascismo e società italiana*. Torino, 1973. P. 28.

³¹ *Quazza G.* Dal fascismo alla liberazione: l'attuale dibattito storiografico // *Politica e società in Italia dal fascismo alla Resistenza. Problemi di storia nazionale e storia umbra*. Bologna, 1978. P. 37.

³² *Ibid.* P. 45.

³³ *Ibid.* P. 38.

³⁴ *Quazza G.* Resistenza e storia d'Italia. Problemi e ipotesi di ricerca. Milano, 1976. P. 70–104.

Г. Куацца не первый и не единственный из историков, кто обратил внимание на проблему соотношения насилия и согласия в системе господства тоталитарного режима в Италии. Впервые она была обозначена историком либерального направления А. Аквароне в середине 1960-х годов³⁵. Изучая механизм функционирования фашистской власти, он пришел к выводу, что понятия «насилие» и «консенсус» не являются антагонистическими применительно к диктаторской форме правления. Речь шла не о том, что консенсус был навязан силой, а о том, что насилие, идеологически обоснованное и юридически закрепленное, составляло одну из ключевых опор консенсуса. Иными словами, насилие (А. Аквароне имеет в виду как само насилие, так и постоянную угрозу его применения) рассматривается не только в качестве инструмента подавления оппозиции и инакомыслия, но и как средство подогрева энтузиазма сторонников, рекрутирования новых adeptов, стимулирования согласия с политикой режима. Одна из пружин, приводящих в движение механизм консенсуса, состоит, по мнению А. Аквароне, в умении фашизма побеждать с применением силы³⁶. В период сквадризма это было способом самоутверждения фашистов, а в годы режима насилие приобрело еще и «ритуальную функцию». Возведя его в ранг идеологического принципа деятельности «хорошего правительства» в интересах большинства нации, режим Муссолини уже не мог отказаться от насилия, поскольку в противном случае потерял бы изрядную долю своей «законности» в глазах поддержавших его мелкобуржуазных масс³⁷. Таким образом, фашизм мог формировать консенсус, не отказываясь от насилия, а сами эти составляющие (независимые лишь в определенных пределах) являлись переменными одной постоянной величины — режима. Консенсус носил консервативный, а не революционный характер, т.е. в гораздо большей степени был обращен к фашизму-режиму, нежели к фашизму-движению.

Такова логика А. Аквароне, с ней в принципе можно было бы согласиться. Но есть вопрос, относящийся к исходному пункту концепции, ответ на который может разрушить все построение в целом: почему применение или угроза применения насилия приводят к укреплению консенсуса, а не наоборот? Так называемая «юридическая законность», ущемляющая права личности, может стимулировать реакцию прямо противоположную. Чтобы разобраться в этой проблеме, необходимо выявить масштабы и основные мотивы про- и антифашистских настроений в итальянском обществе в середине 1920-х — 1930-е годы, чего А. Аквароне не делает. Поэтому его интерпретация бинома «насилие — консенсус» носит во многом умозрительный характер.

К сказанному следует добавить, что оценка А. Аквароне антифашизма и настроения рабочего класса позиционирует его как прямого оппонента авторов «прогрессивно-демократического блока». В частности, он утверждает, что режим Муссолини завоевал симпатии в рабочем классе и, хотя речь шла о «феномене миноритарном», он оказался несопоставимо большим, чем то, чего удалось добиться либеральному государству. Антифашизм действия, по мнению А. Аквароне, имел место, но определяющим был «антифашизм пассивный, выжидательный», с плохо очерченными границами, не позволяющими отделить идейно-политическую оппозицию от общего негативного отношения к власти и ее структурам, столь характерного для итальянцев и формулируемого пословицей: «Идет дождь. Виногато правительство воров»³⁸.

Такая оценка весьма типична и для других представителей либеральной школы, в том числе Р. Де Феличе — признанного корифея итальянской историографии, с именем которого связывают появление новой концепции истории фашизма. Эта концепция сформулирована в многотомной биографии дуче, а по сути — фундаментальной истории фашистского

³⁵ Aquarone A. L'organizzazione dello stato totalitario. Torino, 1965.

³⁶ Эта мысль подробно развивается в исследованиях историков, примыкающих к школе Р. Де Феличе: Lyttelton A. Fascismo e violenza: conflitto sociale e azione politica in Italia nel primo dopoguerra // Storia contemporanea. 1982. № 6. P. 965–984; Petersen J. Il problema della violenza nel fascismo italiano // Ibid. P. 985–1008.

³⁷ Aquarone A. Violenza e consenso nel fascismo italiano // Storia contemporanea. 1979. № 1. P. 147.

³⁸ Ibid. P. 148–150.

движения и режима³⁹. Появление книг Де Феличе сопровождалось в Италии бурным ростом общественного интереса, острыми дискуссиями в средствах массовой информации и в научных изданиях⁴⁰. Внешне аполитичный (во всяком случае не заявляющий о своей идейной принадлежности) профессионал бросил вызов всей левой историографии, утверждая, что нельзя быть одновременно антифашистом и беспристрастным историком недавнего прошлого. Вокруг имени Де Феличе был создан ореол объективности, а его работы вызвали такой шквал критических и хвалебных отзывов, что отзвуки этой «историографической бури» слышны до сих пор.

В отличие от всех предшественников, писавших о фашизме, Де Феличе поставил проблему консенсуса в центр своего исследования. Созданная им концепция служит ответом на вопрос о характере взаимоотношений новой власти с гражданским обществом. Анализ этих отношений Де Феличе начинает с момента прорыва фашизма к рычагам управления государством: «Чтобы сделать эффективной эту власть ...помимо силы, было необходимо еще и согласие, но... не большинства страны (Муссолини, по крайней мере в данный момент, не испытывал иллюзий по поводу возможности его обеспечения), а тех сил и институтов, благодаря которым фашизм смог прийти в правительство»⁴¹. Таким образом, в начальной фазе фашистской диктатуры консенсус рассматривается Де Феличе как блок новых политических сил и старых элитарных структур, допустивших переход власти в руки фашистов. Процесс его формирования ограничен рамками блока, имеет внутренний характер, не захватывает основную массу граждан.

Следующий этап развития консенсуса имеет принципиально иное содержание. 1929–1936 гг. – период наивысшего подъема общественного согласия с окрепнувшим режимом. Консенсус выходит за рамки узкого социального слоя и вбирает в себя подавляющую часть гражданского общества. Поддержка режима становится слюшной, почти «без трещин» даже в неблагоприятных условиях мирового экономического кризиса⁴². Протест масс, усилившийся в те годы, не имел политической, антифашистской окраски. По мнению Де Феличе, это подтверждается тем, что даже недовольные слои общества вращались внутри установленных фашизмом рамок. За сохранение сложившегося статус-кво выступали две категории итальянцев: те, кто боялся утратить полученные льготы и собственное положение, т.е. преследовал личные интересы, и те, кто видел в режиме гарантию стабильности в стране, столь необходимую для экономического подъема. К этой категории относилась подавляющая часть бизнеса и рабочего класса. Активная социальная политика режима и установившаяся политическая стабильность сформировали иную, чем прежде, ментальную реальность в рабочей среде. «Большинство пролетариата уже не испытывало желания подвергать себя новым жизненным передрягам, – пишет Де Феличе, – терять то, что удалось сохранить, а также упускать возможность пользоваться материальными благами, особенно в рамках социального страхования... Рабочие не стремились встать в оппозицию, которая не смогла бы изменить ситуацию, но наверняка обеспечила бы только жертвы, безработицу, преследования, горе»⁴³. Связь между социальной политикой режима и широко распространенной в массах фаталистической концепцией кризиса 1929 г. (в смысле его неизбежности и необходимости примирения) мешала, по мнению Де Феличе, превращению недовольства «в рациональный акт обвинения правительства»⁴⁴. Более того, Де Феличе не боится, казалось бы, очевидного противоречия,

³⁹ Среди многочисленных работ Р. Де Феличе отметим лишь те, которые имеют прямое или косвенное отношение к проблеме консенсуса: *De Felice R. Mussolini il fascista. Vol. I–II. Torino, 1966–1968; Idem. Il fascismo. Le interpretazioni dei contemporanei e degli storici. Bari, 1970; Idem. Mussolini il duce. Vol. 1. Gli anni del consenso; Vol. 2. Lo stato totalitario. Torino, 1974–1981; Idem. Intervista sul fascismo. Bari, 1975; Idem. Mussolini l'alleato 1940–1945. Vol. I–II. Torino, 1990–1997; Idem. Rosso e nero. Milano, 1995.*

⁴⁰ Подробнее см.: Белоусов Л.С. По страницам журнала «Современная Италия» // Новая и новейшая история. 1984. № 6. С. 156–165.

⁴¹ *De Felice R. Mussolini il fascista. Vol. I. P. 427.*

⁴² *Ibid. P. 55.*

⁴³ *Ibid. P. 452–453.*

⁴⁴ *Ibid. P. 88.*

утверждая, что, несмотря на недоверие рабочих в период кризиса, именно «в первой половине 1930-х годов фашизм смог раздробить трудящихся, в том числе рабочих (причем не только категории, традиционно более корпоративные), и найти в них растущее согласие»⁴⁵.

Таким образом, консенсус трансформируется, становясь массовым, а результаты фашистской политики выглядят менее жесткими, чем могло показаться на первый взгляд. Оказывается, они были «столь поверхностными и обусловленными целой серией конъюнктурных и сугубо практических мотиваций, что, по сути дела, оказались лишь предварительными и преходящими, подверженными всем рискам и противоречиям, типичными для консенсуса традиционного, основанного почти исключительно на мотивациях конъюнктурных и практических и/или на внезапных психологических реакциях, не имеющих каких-либо корней в сознании или вере»⁴⁶.

В таком толковании консенсус как бы исключает тоталитарный характер власти, которая почти добровольно принимается обществом, а не утверждается над ним. Консенсус обретает у Де Феличе многофакторный и самодостаточный характер: согласие между новым господствующим слоем и традиционным, что обеспечивало преемственность господства, во-первых; поверхностное, спонтанное, конъюнктурное согласие масс, во-вторых; «согласие на веру», фанатичное, слепое, в-третьих; наконец, «репрессивный момент консенсуса»⁴⁷ как его незначительная, но необходимая составная часть в духе идей А. Аквароне. Консенсус вбирает в себя множество элементов: от мистической веры до подавления. Это и сильная, и слабая сторона концепции Де Феличе: сильная — поскольку позволяет объяснить под этим углом зрения весь период 1930-х годов, включая ряд внешнеполитических акций фашизма; слабая — поскольку нередко сглаживает и смешивает противоречивые интересы и конфликты, не выявляя, а затушевывая их суть. Даже если принять такое многослойное толкование консенсуса как несущую конструкцию всей системы социально-политического господства, остается непонятным, почему в ней отсутствует такой важный, системообразующий, присущий любой диктаторской форме правления элемент как прямое насилие над гражданским обществом в целом и над отдельным индивидом в частности, что, в свою очередь, определяет реакционный характер власти? Ответ на этот вопрос очевиден: Де Феличе не признает реакционный характер режима Муссолини. Вряд ли с этим можно согласиться.

Спорной представляется и интерпретация Де Феличе политики фашизации, осуществлявшейся режимом через систему массовых организаций. Собственно, фашизации как таковой он в ней не усматривает, полагая, что таким путем лишь формировался общественный консенсус. Это была некая «пассивная фашизация», под которой понимается совокупность действий властвующей элиты, направленных на «превращение итальянцев в “хороших граждан”, лояльных к правительству, не противопоставляющих себя политике режима, принимающих ее мотивировку и стратегические цели, приспособливающих к ним свое поведение и повседневную деятельность, не позволяющих потенциальной критике вылиться в понимание возможности изменения режима, но которые в то же время не участвуют активно в политической жизни, или, если участвуют, то делают это в ограниченных рамках чисто внешних проявлений, или в таких формах, которые позволяют пользоваться какими-то льготами и не быть ущемленными в своей деятельности в сравнении с более ревностными гражданами». Но была и «активная фашизация», также понимаемая как совокупность действий власти, направленных на формирование «настоящих фашистов, активных в этом качестве в жизни страны на всех уровнях повседневной деятельности и включенных в структуры режима как движущие элементы»⁴⁸.

В этой цитате, значительная часть которой не вызывает возражений, содержится положение, не находящее веских подтверждений в книге, — о принятии массами «мотивировки и стратегических целей» фашистской политики. Но от этого зависит очень многое и в первую

⁴⁵ Ibid. P. 195.

⁴⁶ Ibid. P. 180–181.

⁴⁷ Ibid. P. 181.

⁴⁸ Ibid. P. 199.

очередь — определение характера общественного согласия. «Активная фашизация» не могла быть осуществлена в широком масштабе из-за моральной уязвимости господствующей идеи, поэтому массовые фашистские организации выполняли исключительно важную функцию — закладывали основы для прагматичного восприятия режима и его целей. Именно в прагматизме, на наш взгляд, кроется ключ к пониманию проблемы стабильности режима, а не в принятии обществом «мотивировки и стратегических целей» режима в рамках «пассивной фашизации».

В наиболее общих чертах концепция Де Феличе сводится к тому, что фашизм являл собой политическую стратегию с дальним прицелом, вынашивавшуюся самим Муссолини, — муссолинизм, т.е. результат творческого гения дуче, феномен революционный, форма «левого тоталитаризма»⁴⁹. Однако реальное осуществление стратегии дуче приходилось откладывать на будущее, сделав ставку на новое поколение, поскольку массы, да и сама фашистская партия еще не поднялись до уровня осмысления его гениального замысла. Поэтому на смену общественному консенсусу первой половины 1930-х годов, достигшему пика после захвата Эфиопии и провозглашения империи, приходит пассивное общественное непротивление при некотором «психологическом отрыве» части буржуазных слоев, безграничной преданности активистов, особенно молодых, и полном крушении организованного антифашизма.

Этот новый тип консенсуса формируется в условиях тоталитарного государства, которое, по мнению Де Феличе, по сути своей тоталитарным никогда не было. Более того, режим Муссолини даже не ставил перед собой такой задачи, поскольку был основан на идее создания «нового человека», идее прогрессивной, не имеющей ничего общего с нацизмом. Режим действовал, сосредоточивая власть в руках государственной машины «вплоть до кажущейся ликвидации различий между государством и гражданским обществом, да и то лишь в перспективе, которая не имела ничего общего с нацизмом или сталинизмом». По Де Феличе, это был «незаконченный тоталитаризм», при котором его моральный аспект преобладал над политическим, а воспитательный — над репрессивным. Говорить же о действительном повороте к тоталитарной форме правления, осуществлявшемся в результате прямого нацистского влияния, можно лишь с 1938 г. (имеются в виду расовые законы), но и этот поворот не принес чего-либо, «сравнимого с разгулом массового террора, характеризующего нацистский и сталинский режимы»⁵⁰. Таким образом, массовый террор для Де Феличе — один из главных показателей тоталитарной диктатуры, который отсутствовал в фашистской Италии.

В центре многотомного труда — «исполинская фигура» дуче. Муссолини предстает харизматичной личностью, всемогущим диктатором, практически независимым в своих действиях от каких бы то ни было политических сил. Эту позицию Де Феличе декларировал в своем нашумевшем интервью о фашизме: «Не так уж важно устанавливать степень зависимости фашизма от определенных сил и интересов, сколько понять степень и основы его автономности от них»⁵¹.

В этом утверждении сформулирован методический принцип исследования Де Феличе. Его применение на практике вылилось в массированное использование автором однотипных источников (материалы правительства, канцелярии дуче, Большого фашистского совета, полиции, министерств и ведомств, фашистской партии, парламента и т.д.), в том числе ставших доступными в период написания первых томов биографии лишь ему одному, например личные архивы Д. Гранди и Дж. Боттаи. Характер этих документов таков, что позволяет обрисовать ситуацию внутри фашизма, его «кухню», а самого дуче представить в облике независимого арбитра. Феномен фашизма, консенсус, тоталитаризм исследуются как бы сами по себе, зачастую вне связи с гражданским обществом и социально-экономическими

⁴⁹ Тогда как германский национал-социализм — это тоталитаризм правый, феномен консервативный. Де Феличе не избегает аналогий двух режимов, германского и итальянского, но стремится свести их до минимума, ограничивая сходство тем, что оба режима отрицают большевизм, либерализм, демократию и т.п.

⁵⁰ *De Felice R. Mussolini il duce. Vol. II. P. 87.*

⁵¹ *De Felice R. Intervista sul fascismo. P. 49—50.*

процессами. В итоге и сам автор начинает «вариться в собственном соку», не замечая тех реалий, которые не укладываются в создаваемую им картину.

Де Феличе впервые ввел в научный оборот огромное количество новых документов и фактов, полагая, что этого вполне достаточно для обоснования концепции. Но позиция «факты говорят сами за себя» вряд ли может считаться неувязимой: факты говорят так, как их заставляет говорить историк. И это чувствуется всякий раз, когда Де Феличе переходит от эмпирического изложения материала к обобщениям. Будучи рабом им же самым отобранных фактов, он смотрит на них с одной стороны и лишает себя возможности высветить противоречия между тем, что видится на первый взгляд, и тем, что было на самом деле. По меткому замечанию одного из его оппонентов Р. Виварелли, Де Феличе не хватает иронии, столь необходимой любому историку⁵². Этот методический изъян исследования отмечают многие его критики⁵³.

Признавая в целом справедливость критики, нельзя не отметить, что многотомный труд Де Феличе, охватывающий целую эпоху в истории современной Италии (с конца прошлого века до падения «республики Сало»), является невероятно емким, многоплановым, действительно фундаментальным исследованием, аналогичного которому нет в историографии левой ориентации. Тезис о консенсусе в первой половине 1930-х годов прочно утвердился среди итальянских историков, причем не только последователей или единомышленников Де Феличе, но и его оппонентов. В их числе ведущие представители «прогрессивно-демократического блока»: Г. Куацца, Дж. Сапелли, Дж. Сантомассимо, Э. Коллотти, М. Леньяни и др. Приняв термин и проблему консенсуса, они возражают против ее толкования в духе Де Феличе. Наиболее отчетливо выразил эту позицию Дж. Сантомассимо, заявив, что есть веские основания говорить о формировании «элементов консенсуса по отношению к фашистскому государству, а не к фашизму как идеологии и политической партии»⁵⁴. С ним солидарны многие критики концепции Де Феличе, в особенности те из них, кто занимался проблемами социальной истории.

Полемика о консенсусе органично вплелась в более раннюю дискуссию в итальянской историографии: какую историю следует писать — преимущественно идейно-политическую («верхнюю») или «историю низов», основанную на традиционных и устных источниках. Последний мотив был типичен для «новых левых» историков, чьи позиции заметно окрепли в конце 1960-х — начале 1970-х годов, после того как Италия пережила мощный взрыв массового демократического движения, привлекшего внимание ученых-обществоведов к рядовому носителю протеста. «История низов» дает реальную возможность выявить историческую преемственность в том, что составляет непосредственную канву жизни обычного человека: семья, работа, отношения индивида и коллектива, мировоззрение, психология социальной группы и т.д. В этом подходе чувствовалось влияние той «новой социальной истории», которая появилась в 1960-е годы в англоязычной, преимущественно американской, историографии и распространилась впоследствии в странах Западной Европы.

Проблематика социальной истории наиболее полно раскрывалась на уровне региональных исследований, поэтому дискуссию о ключевых проблемах исторического познания тесно переплелась с вопросом о соотношении истории локальной и общенациональной.

⁵² Vivarelli R. Benito Mussolini dal socialismo al fascismo // Rivista storica italiana. 1967. Vol. LXXIX. P. 458.

⁵³ Santomassimo G. Il fascismo degli anni trenta // Studi storici. 1975. № 1. P. 102–125; *Idem*. Senza dubbio fu reazione. Fascismo: a proposito della polemica intono alla “Intervista” di Renzo De Felice // Rinascita. 1975. № 35. P. 29–30; *Idem*. Classi subalterne e organizzazione del consenso // Storiografia e fascismo / a cura di G. Quazza et al. Milano, 1985. P. 99–118; Collotti E. Lo stato totalitario // Ibid. P. 25–48; Una storiografia afascista per la “maggioranza silenziosa” // Italia contemporanea. 1975. № 119. P. 3–7; Rochat G. Il quarto volume della biografia di Mussolini di Renzo De Felice // Italia contemporanea. 1976. № 122. P. 89–102; *Idem*. Ancora sul “Mussolini” di Renzo De Felice // Italia contemporanea. 1981. № 144. P. 5–10; Sapelli G. La classe operaia durante il fascismo: problemi e indicazioni di ricerca // La classe operaia durante il fascismo. Milano, 1981. P. 7–98; Legnani M. Postilla sul fronte interno. Paese muto o storico sordo? // Italia contemporanea. 1991. № 182. P. 119–123.

⁵⁴ Santomassimo G. Classi subalterne... P. 104.

Первая волна локальных исследований прокатилась по Италии в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Однако во второй половине 1950-х годов эти сюжеты оказались отодвинуты на второй план работами по общенациональной проблематике. Осмысливая новизну ситуации после развенчания культа личности Сталина в СССР, историки разных направлений, но преимущественно левые, ставили вопрос о роли рабочего класса в истории и культуре страны.

В начале 1970-х годов в науке вновь стали раздаваться призывы к изучению локальной истории, необходимой для углубления идей общего характера. Новизна локальных исследований заключалась не в выборе тем, а в подходе к их изучению. Главная задача работ такого рода состояла в выявлении на конкретном региональном материале многообразия связей и динамики различных компонентов внутри объекта исследования и в использовании полученных выводов и гипотез в качестве критериев интерпретации общеисторических проблем, избегая, таким образом, как опасности их распыления, так и простого арифметического сложения.

1970—1980-е годы — пик исследований по локальной истории⁵⁵. Значительная их часть шла в русле идей «прогрессивно-демократического блока» и дополнялась работами по отдельным категориям рабочего класса и иных социальных групп в период фашизма⁵⁶. Обобщение работ, диверсифицированных по регионам и направлениям, позволяло делать выводы, которые активно использовались в продолжавшейся дискуссии.

Особый интерес в этой связи представляли объединенные общим замыслом тематические сборники статей. Так, в 1981 г. группа ученых опубликовала коллективную монографию «Рабочий класс в период фашизма»⁵⁷. Каждый из авторов изучал свою, не очень широкую тему (рынок рабочей силы в Эмилии-Романье, семья, школа, профтехобразование, длительность рабочего дня, положение рабочих-текстильщиков и т.д.), но их выводы позволили редактору всего тома Дж. Сапелли сформулировать общее видение проблемы. По его мнению, несмотря на упорное стремление фашистского режима интегрировать рабочий класс в созданные им структуры и привить ему корпоративную идеологию, развитие капитализма, объективно рождавшее «рабочий вопрос» в традиционном смысле, превращало промышленный пролетариат в весьма неудобный объект для фашистской «мобилизации сверху» (через массовые организации, в том числе профсоюзы). При этом рабочий класс оставался в течение всего периода диктатуры объектом фашистских репрессий и носителем «подрывной традиции»⁵⁸. Подавление становилось единственным средством решения «рабочего вопроса», когда действия пролетариата приобретали конфликтный характер и были направлены против «посредничества самих инструментов системы господства». Поскольку этот процесс нарастал, «мобилизация сверху» в конечном счете потерпела крах.

Сформулированная в первой половине 1980-х годов⁵⁹, эта концепция не претерпела существенных изменений вплоть до конца 1990-х. Ее придерживались многие, в том числе молодые историки, которые лишь условно могут быть причислены к продолжателям традиции «прогрессивно-демократического блока». Личное общение с ними (А. Паризелла, С. Сетта, Ф. Кордова, М. Палла, М. Леньяни, С. Коларици, Г. Тури, К. Натоли, К. Казула, Э. Коллотти и др.) и анализ их работ подводит к выводу, что в итальянской историографии фашизма в конце прошлого века продолжалось начатое ранее размывание границ между традиционными течениями, сложившимися в послевоенные годы. Декларируя приверженность принципу историзма, многие исследователи пресекали попытки причислить себя к представителям той или иной школы. Однако, несмотря на диверсификацию подходов к исследованиям

⁵⁵ См. подробнее: *De Felice R. Bibliografia orientativa del fascismo*. Roma, 1991.

⁵⁶ См., например: *Bonelli F. Lo sviluppo di una grande impresa in Italia. La Terni dal 1884 al 1962*. Torino, 1975; *Idem. Acciaio per l'industrializzazione. Contributi allo studio del problema siderurgico italiano*. Torino, 1982; *Rugaffiori P. Uomini, macchine, capitali. L'Ansaldo durante il fascismo 1922–1945*. Milano, 1981; *Scacchi D., Sircana D., Piccioni L., Lombardo T. Operai tipografi a Roma 1870–1970*. Milano, 1984; *Martini A. Biografia di una classe operaia. I cartai della Valle del Liri (1824–1954)*. Roma, 1984, и др.

⁵⁷ *La classe operaia durante il fascismo*. Milano, 1981.

⁵⁸ *Ibid.* P. LXIII.

⁵⁹ См. также: *Quazza G. Il fascismo: esame di coscienza degli italiani // Storiografia e fascismo*. P. 7–24.

и многообразие методических приемов, позиции авторов, изучавших историю «черного 20-летия», можно определить на основе их оценок доминировавших в науке концепций, в том числе принадлежащих Де Феличе и его сторонникам.

1990-е годы дали для этого обильный материал: переиздавались ранние произведения А. Аквароне⁶⁰ и Р. Де Феличе⁶¹, И. Силоне⁶² и А. Таски⁶³, большими тиражами уже в который раз выходили в свет дневники и воспоминания фашистских главарей⁶⁴, появились интересные работы многочисленных последователей Де Феличе⁶⁵, наконец, сам «маэстро» завершил знаменитую биографию дуче и опубликовал ряд новых исследований⁶⁶.

Однако, в отличие от 1970-х годов, выход очередных томов истории фашистской Италии не вызвал бурного общественного резонанса. Книг ждали, а некоторые специалисты даже небезуспешно пытались предугадать, какие идеи будут в них высказаны. Де Феличе остался верен себе как в плане методики исследования, так и в развитии концепции. Следует лишь отметить, что мы не можем согласиться с оценкой кризиса, переживавшегося итальянским обществом на рубеже 1930–1940-х годов. У Де Феличе это общество предстает малоподвижным, вяло реагирующим на бурные политические события предвоенной поры. В нем почти не слышен голос антифашистов, не ощутимы признаки неумолимо надвигающейся катастрофы. Складывается впечатление, что Де Феличе допускает возможность иного развития событий, будь Муссолини и окружавшие его люди прозорливее и мудрее, не допусти они вовлечения Италии во Вторую мировую войну. Элементы социально-экономического и политического кризиса, по мнению Де Феличе, нарастали, но не имели системообразующего характера и не влекли за собой необратимых изменений на уровне менталитета. Общество не ощущало необходимости политических перемен, оставаясь глухим вплоть до того момента, когда на головы людей начали сыпаться бомбы англо-американской авиации. Слабость военно-технической и материальной базы, оперативные просчеты командования, ошибки политического руководства, наконец, военные поражения на фронтах — таковы были, по мнению Де Феличе, решающие факторы «кризиса и агонии» режима. Таким образом, оценка степени зрелости внутрисистемного кризиса тоталитарного режима в начале 1940-х годов, глубина отторжения фашистской диктатуры гражданским обществом — вот та лакмусовая бумажка, которая позволяет разделить сторонников и противников «новой истории фашизма» после выхода в свет последних книг Де Феличе.

Эта проблема имеет еще один историографический аспект, связанный с движением Сопротивления. Отношение народных масс к вооруженной борьбе с фашизмом и нацизмом, особенно на раннем ее этапе, определялось состоянием общественных умонастроений летом — осенью 1943 г. Картина массового сознания в этот период складывалась как совокупный результат нарастания многообразных форм социально-политического и морального протеста (скрытых и явных) в предшествующие годы. Их изучение по отдельным регионам и социальным группам в середине 1990-х годов привело к открытию новой темы: «Невооруженная борьба в движении Сопротивления»⁶⁷. Речь идет о способах и особенностях проявления

⁶⁰ Aquarone A. L'organizzazione dello stato totalitario. Torino, 1995.

⁶¹ De Felice R. Intervista sul fascismo. Milano, 1992; *Idem*. Mussolini il rivoluzionario. Vol. 1–2. Torino, 1995; *Idem*. Mussolini il fascista. Vol. 1–2. Torino, 1995.

⁶² Silone I. Il fascismo: origini e sviluppo. Carnago, 1992.

⁶³ Tasca A. Nascita e avvento del fascismo. Scandicci, 1995.

⁶⁴ Bottai G. Diario 1935–1944. Milano, 1989; *Idem*. Quaderno africano. Firenze, 1995; Taccuini mussoliniani (raccolti da Yvon De Begnac). Bologna, 1990; Ciano G. Diario: 1937–1943. Milano, 1990; Federzoni L. 1927: diario di un ministro del fascismo. Firenze, 1993; Graziani R. Una vita per l'Italia: Ho difeso la patria. Milano, 1994.

⁶⁵ Среди них заслуживают особого внимания работы Э. Джентиле, в том числе: *Gentile E. Il culto del littorio: la sacralizzazione della politica nell'Italia fascista*. Roma, 1994.

⁶⁶ De Felice R. Il fascismo e l'Oriente: arabi, ebrei e indiani nella politica di Mussolini. Bologna, 1988; *Idem*. Mussolini l'alleato. Vol. 1–2. Torino, 1990; *Idem*. Rosso e nero. Milano, 1995.

⁶⁷ Эту тему обозначают по-разному: «Гражданское Сопротивление», «Невооруженное Сопротивление», «Пассивное Сопротивление».

негативного отношения масс к фашизму вообще и «республике Сало» в частности, которое определяло пути и условия вовлечения людей в вооруженную борьбу или отказ от таковой⁶⁸.

Дискуссия на эту тему тесно переплеталась с начавшейся ранее историографической полемикой о возможности определения движения Сопротивления как «гражданской войны», т.е. противостояния одной части общества другой по политическому признаку «фашист – антифашист». Не углубляясь в аргументацию сторон, лишь отметим, что доводы, которыми оперировали авторы, по большей части черпались из сферы общественного сознания в предшествовавший Сопротивлению период и во многом опирались на представление о характере и глубине консенсуса во второй половине 1930-х годов.

На этом этапе, в конце 1990-х годов, многим казалось, что дискуссии о консенсусе исчерпали свой ресурс и должны постепенно сойти на нет. Однако начало XXI в. удивило специалистов новым всплеском полемики, которая вышла за пределы Апеннин. Об этом – в нашей следующей статье.

Библиография / References

- Белюсов Л.С.* По страницам журнала «Современная Италия» // Новая и новейшая история. 1984. № 6. С. 156–165.
- Белюсов Л.С.* Режим Муссолини и массы. М., 2000.
- История Италии: в 3-х т.* Т. 3. М., 1971.
- История фашизма в Западной Европе* М., 1978.
- Кин Ц.И.* Итальянский ребус. М., 1991.
- Лопухов Б.Р.* История фашистского режима в Италии. М., 1977.
- Михайленко В.И.* Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. Свердловск, 1987.
- Филатов Г.С.* Крах итальянского фашизма. М., 1973.
- Belousov L.S.* Po stranicam zhurnala "Sovremennaya Italiya" [On the pages of the journal "Modern Italy"] // Novaya i Noveishaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 1984. № 6. S. 156–165. (In Russ.)
- Belousov L.S.* Rezhim Mussolini i massy [Mussolini's regime and the masses]. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Filatov G.S.* Krakh ital'yanskogo fashizma [The collapse of Italian fascism]. Moskva, 1973. (In Russ.)
- Istoriya fashizma v Zapadnoi Evrope* [History of fascism in Western Europe]. Moskva, 1978. (In Russ.)
- Istoriya Italii* [History of Italy]: v 3 t. Moskva, 1971. (In Russ.)
- Kin Ts.I.* Ital'yanskii rebus [Italian Rebus]. Moskva, 1991. (In Russ.)
- Lopukhov B.R.* Istoriya fashistskogo rezhima v Italii [History of the fascist regime in Italy]. Moskva, 1977. (In Russ.)
- Mikhailenko V.I.* Ital'yanskii fashizm: osnovnye voprosy istoriografii [Italian fascism: Basic problems of historiography]. Sverdlovsk, 1987. (In Russ.)
- Antifascismo come lotta di classe.* Roma, 1974.
- Aquarone A.* L'organizzazione dello stato totalitario. Torino, 1995.
- Aquarone A.* Violenza e consenso nel fascismo italiano // Storia contemporanea. 1979. № 1. P. 145–155.
- Bauer O.* Tra le due guerre mondiali? Torino, 1979.
- Bevilacqua P.* Le campagne del Mezzogiorno tra fascismo e dopoguerra. Il caso della Calabria. Torino, 1980.
- Bonelli F.* Lo sviluppo di una grande impresa in Italia. La Terni dal 1884 al 1962. Torino, 1975.
- Bonelli F.* Acciaio per l'industrializzazione. Contributi allo studio del problema siderurgico italiano. Torino, 1982.
- Bottai G.* Diario 1935–1944. Milano, 1989.
- Bottai G.* Quaderno africano. Firenze, 1995.
- Casali L.* E se fosse dissenso di massa? Elementi per un'analisi della "conflittualità politica" durante il fascismo // Italia contemporanea. 1981. № 144. P. 101–120.
- Ciano G.* Diario: 1937–1943. Milano, 1990.
- Cipriani A.* Il fascismo in una provincia creata dal Duce // Farestoria. 1996. № 27. P. 59–63.
- Collotti E.* Lo stato totalitario // Storiografia e fascismo / a cura di G. Quazza et al. Milano, 1985. P. 25–48.
- Cotta S.* Resistenza. Come e perché. Roma, 1994.
- Dal Pont A., Carolini S.* L'Italia dissidente e antifascista. Vol. 1–3. Milano, 1980.
- Dal Pont A., Leonetti A., Maiello P., Zocchi L.* Aula IV. Tutti i processi del Tribunale speciale fascista. Milano, 1976.
- De Felice R.* Mussolini il fascista. Vol. I–II. Torino, 1966–1968.

⁶⁸ См.: *Oliva G.* I vinti e i liberati. Milano, 1994; *La lotta non armata nella Resistenza. Atti del Convegno 25 ottobre 1993.* Roma, 1994; *Cotta S.* Resistenza. Come e perché. Roma, 1994; *L'uso pubblico della storia.* Milano, 1995; *La lotta non armata nella Resistenza. Atti del Convegno del 24–25 novembre 1994.* Roma, 1995; *La Resistenza tra storia e memoria.* Milano, 1999.

- De Felice R.* Il fascismo. Le interpretazioni dei contemporanei e degli storici. Bari, 1970.
- De Felice R.* Mussolini il duce. Vol. 1. Gli anni del consenso 1929–1936; Vol. 2. Lo stato totalitario. Torino, 1974–1981.
- De Felice R.* Intervista sul fascismo. Bari, 1975.
- De Felice R.* Il fascismo e l'Oriente: arabi, ebrei e indiani nella politica di Mussolini. Bologna, 1988.
- De Felice R.* Mussolini l'alleato 1940–1945. Vol. 1–2. Torino, 1990.
- De Felice R.* Bibliografia orientativa del fascismo. Roma, 1991.
- De Felice R.* Rosso e nero. Milano, 1995.
- De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario. Torino, 1995.
- Del Carria R.* Proletari senza rivoluzione. Storia delle classi subalterne in Italia. Vol. 4. Roma, 1979.
- Ercole F.* Storia del fascismo. Milano, 1939.
- Federzoni L.* 1927: diario di un ministro del fascismo. Firenze, 1993.
- Franzina E.* Proteste sociali nel Veneto fra le due guerre // Geografia e forme del dissenso sociale in Italia durante il fascismo (1928–1934). Cosenza, 1990. P. 301–322.
- Gentile E.* Il culto del littorio: la sacralizzazione della politica nell'Italia fascista. Roma, 1994.
- Graziani R.* Una vita per l'Italia: Ho difeso la patria. Milano, 1994.
- Guerin D.* Fascismo e gran capitale. Roma, 1994.
- L'uso pubblico della storia.* Milano, 1995.
- La classe operaia durante il fascismo.* Milano, 1981.
- La lotta non armata nella Resistenza.* Atti del Convegno 25 ottobre 1993. Roma, 1994.
- La lotta non armata nella Resistenza.* Atti del Convegno del 24–25 novembre 1994. Roma, 1995.
- La Resistenza tra storia e memoria.* Milano, 1999.
- Legnani M.* Postilla sul fronte interno. Paese muto o storico sordo? // Italia contemporanea. 1991. № 182. P. 119–123.
- Lyttelton A.* Fascismo e violenza: conflitto sociale e azione politica in Italia nel primo dopoguerra // Storia contemporanea. 1982. № 6. P. 965–984.
- Martini A.* Biografia di una classe operaia. I cartai della Valle del Liri (1824–1954). Roma, 1984.
- Matteotti M.* La classe lavoratrice sotto il fascismo (1922–1943) // Annali Feltrinelli 1972. Milano, 1973.
- Merlin T.* Storia di Monseice. Padova, 1988.
- Oliva G.* I vinti e i liberati. Milano, 1994.
- Palla M.* Sul regime fascista italiano. Precisazioni terminologiche e interpretative // Italia contemporanea. 1987. № 169. P. 17–35.
- Petersen J.* Il problema della violenza nel fascismo italiano // Storia contemporanea. 1982. № 6. P. 985–1008.
- Piva F., Toniolo G.* Sulla disoccupazione in Italia negli anni trenta // Rivista di storia economica. 1987. Vol. 4. P. 345–383.
- Quazza G.* Introduzione. Storia del fascismo e storia d'Italia // Fascismo e società italiana Torino, 1973. P. 3–44.
- Quazza G.* Resistenza e storia d'Italia. Problemi e ipotesi di ricerca. Milano, 1976.
- Quazza G.* Dal fascismo alla liberazione: l'attuale dibattito storiografico // Politica e società in Italia dal fascismo alla Resistenza. Problemi di storia nazionale e storia umbra. Bologna, 1978. P. 25–47.
- Quazza G.* Il fascismo: esame di coscienza degli italiani // Storiografia e fascismo / a cura di G. Quazza et al. Milano, 1985. P. 7–24.
- Ragionieri E.* La storia politica e sociale // Storia d'Italia dall'Unità a oggi. Vol. IV. T. III. Torino, 1976. P. 1667–2832.
- Rochat G.* Il quarto volume della biografia di Mussolini di Renzo De Felice // Italia contemporanea. 1976. № 122. P. 89–102.
- Rochat G.* Ancora sul “Mussolini” di Renzo De Felice // Italia contemporanea. 1981. № 144. P. 5–10.
- Rugafiori P.* Uomini, macchine, capitali. L'Ansaldo durante il fascismo 1922–1945. Milano, 1981.
- Santarelli E.* Storia del movimento e del regime fascista. Roma, 1967.
- Santomassimo G.* Il fascismo degli anni trenta // Studi storici. 1975. № 1. P. 102–125.
- Santomassimo G.* Senza dubbio fu reazione. Fascismo: a proposito della polemica intorno alla “Intervista” di Renzo De Felice // Rinascita. 1975. № 35. P. 29–30.
- Santomassimo G.* Classi subalterne e organizzazione del consenso // Storiografia e fascismo / a cura di G. Quazza et al. Milano, 1985. P. 99–118.
- Sapelli G.* La classe operaia durante il fascismo: problemi e indicazioni di ricerca // La classe operaia durante il fascismo. Milano, 1981. P. 7–98.
- Scacchi D., Sircana D., Piccioni L., Lombardo T.* Operai tipografi a Roma 1870–1970. Milano, 1984.
- Silone I.* Il fascismo: origini e sviluppo. Carnago, 1992.
- Taccuini mussoliniani* (raccolti da Yvon De Begnac). Bologna, 1990.
- Tamara A.* Venti anni di storia (1922–1943). Roma, 1953.
- Tasca A.* Nascita e avvento del fascismo. Scandicci, 1995.
- Togliatti P.* Lezioni sul fascismo. Roma, 1970.
- Touraine A.* La coscienza operaia. Milano, 1969.
- Una storiografia afascista per la “maggioranza silenziosa”* // Italia contemporanea. 1975. № 119. P. 3–7.
- Vivarelli R.* Benito Mussolini dal socialismo al fascismo // Rivista storica italiana. 1967. Vol. LXXIX. P. 428–458.
- Volpe G.* Storia del movimento fascista. Milano, 1939.